

2014 г. / Составители А.С. Сенин, Л.Д. Шаповалова. – М.: СПб.: Нестор-История, 2014.

17. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций // Вопросы истории, 1989. – №10.

18. Fisher J. Lord Curzon and British strategic railways in Central Asia before, during and after the First World War // Neilson K., Otte T. Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848-1945. – Raitledge, 2006.

19. Heywood A. Railway development and military strategy in late imperial Russia // Neilson K., Otte T. Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848-1945. – Raitledge, 2006.

20 Railway Imperialism / Ed. Clarence B. Davis, Kenneth E. Wilburn. – N.Y.: Greenwood Press, 1991.

СПОР О ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕН

Шибалко В.В., Александренков Ю.В.

Минск, БНТУ

Великая Октябрьская Социалистическая революция – новая эра в истории человечества, поворот мировой истории, важнейшие события XX века. Великая Октябрьская Социалистическая революция – зигзаг истории, случайность, большевистский заговор, верхушечный переворот. И, наконец, Великая Октябрьская Социалистическая революция – трагическая ошибка XX века. Такими эпитетами характеризуется вот уже 100 лет революция 1917 г. Эти утверждения друзей и недругов, дискуссии ученых и лжеученых, развернувшиеся спор вокруг этого исторического события сами по себе говорят о его значимости в политической истории XX века. Сегодня, когда многими переосмысливается наше прошлое, обсуждается будущее, с особой остротой говорится об октябрьских событиях 1917 г.

В большом количестве литературы об этом времени можно найти несколько концептуальных оценок. Одни авторы прославляют Октябрьскую революцию как историческую веху на пути освобождения человечества, считают октябрь 1917 года неизбежным итогом развития капитализма, началом его гибели и победы коммунизма во всемирном масштабе. Другие проклинают как преступление и катастрофу. Суще-

ствует точка зрения, согласно которой октябрь 1917 года оценивается как контрреволюция – в результате октябрьского переворота были свёрнуты демократические преобразования, заложенные Февральской революцией. В современной публицистической литературе обозначилась тенденция рассматривать Октябрьскую революцию как явление случайное, не имеющее национальных корней в русской истории. При этом, если публицисты западной ориентации считают революцию «нонсенсом», тупиком истории, то авторы так называемого национал-патриотического направления рассматривают октябрь 1917 года как «заговор темных сил», явление, навязанное русскому народу.

Некоторые исследователи отвергают как тезис о фатальной неизбежности социалистической революции в России, так и утверждение о ее случайном характере. Они полагают, что Октябрь 1917 года была закономерным явлением, рожденным конкретно-историческими внутренними и внешними условиями. Трудно признать Октябрьскую революцию закономерной – она представляла собой молниеносный скачок через целый исторический этап, что, само по себе, есть нарушение общеисторической закономерности, которая предполагает переход к новому общественному устройству тогда, когда старый экономический уклад и соответствующий ему политический строй себя полностью исчерпали. Россия не прошла этапа капитализма и вследствие особой исторической ситуации, переход к туманно понимаемому социализму означал игнорирование вообще исторических законов.

В официальную советскую историографию октябрьские события 1917 г. вошли как Великая Октябрьская Социалистическая революция, разрешившая противоречия развития России и открывшая дорогу к социалистическим преобразованиям общества и государства.

Исходя из вышеизложенных оценочных определений закономерности и характера русской революции октября 1917 г., зададимся следующим вопросом – возможен ли был тогда, в 1917 г., не революционный, а реформистский путь развития российского общества? Была ли альтернатива? Среди обществоведов, в том числе историков, единого мнения нет. Одни считают, что ее не существовало и не могло существовать, так как Октябрьская революция и переход к социализму были исторической неизбежностью, порожденной всем ходом общественно-исторического развития. Другие полагают, что альтернативы не возникло из-за реального соотношения общественных сил: осенью

1917 г. решающий перевес был на стороне Советов, большевиков. Третьи исходят из того, что только свержение буржуазии и переход к социализму открывали выход из глухого тупика, в котором оказалась Россия в 1917 г. вследствие отсталости, войны и разрухи, и позволяли разрешить в интересах большинства народа острейшие проблемы – о мире, о земле, о национальном освобождении.

Если первая точка зрения воспроизводит, в сущности, прежние догматические стереотипы о «железной» непреложности действия общественных закономерностей, исключая иные варианты, кроме революционной развязки кризиса, то две последние кажутся основанными на различном понимании исторической альтернативы. Они, во всяком случае, не должны были бы вести к однозначному выводу об отсутствии в 1917 году альтернативы Октябрю.

Глубинное понимание событий 1917 года приводит к выводу, что альтернатива Октябрьской революции действительно была. Возьмем в наших размышлениях исходный пункт - Февральскую буржуазную демократическую революцию. Свергнув царизм, она превратила Россию по политическому строю в одну из передовых демократических стран мира, но не разрешила давно назревших задач. Продолжалась тяжелейшая, ненавистная народу война. Оставался нерешенным вопрос о земле, обостряя вековой конфликт между многомиллионным крестьянством и горсткой помещиков. Рабочий класс подвергался эксплуатации, а его требования выполнялись правительством и капиталистами только при давлении «снизу». День ото дня усиливалась хозяйственная разруха. Крайне острыми были и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавно-шовинистической политикой русской буржуазии. Народные массы, организовавшись вокруг возникших по всей стране Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стремились к удовлетворению своих требований и установлению подлинного народовластия. Буржуазия, напротив, жаждала скорейшего восстановления «порядка» и «твердой власти».

Придя к власти, буржуазия хотела либо оттянуть разрешение неотложных задач, либо пойти на реформы, но такие, которые не затрагивали бы коренных интересов и привилегий капиталистов и помещиков. Точно также правящая буржуазия не хотела отказаться и от продолжения войны, в сущности, из-за химерических планов империалистических захватов. Временное правительство, называв-

шеся временным именно потому, что управляло страной до Учредительного собрания, всячески саботировало его созыв: буржуазия резонно опасалась, что в обстановке демократической революции это собрание окажется слишком левым.

До осени 1917 г. в народном движении главенствовали демократические партии – меньшевики и эсеры, с 5 мая они входили во Временное правительство. Их целью было решить назревшие задачи реформистскими методами, вывести страну из кризиса и обеспечить ее развитие по буржуазно-демократическому пути. В то же время ситуация, сложившаяся в 1917 г., особенно в июне-октябре, после мирного периода развития революции, оставляла мало места для реформистских решений основных проблем. Во-первых, крайняя острота классовых противоречий затрудняла наведение реформистских мостов и достижения консенсуса между имущими классами и трудящимися. Во-вторых, узел многочисленных и сложных проблем был затянут так туго, что его реформистская «развязка» требовала большого искусства и времени. В-третьих, практика показала крайнюю слабость буржуазии и мелкобуржуазных демократов, их неспособность реализовать реформистские возможности.

Меньшевики и эсеры возлагали надежды на опыт, знания и организационные способности русской буржуазии. Но она не оправдала и не могла оправдать их надежд. Сформировавшаяся в условиях царского абсолютизма и, потому, политически малоопытная, консервативная, экономически исключительно узкокорыстная, лишенная, в отличие от западноевропейской, какого-либо престижа в глазах народных масс, предрасположенная не к уступкам народу, а к авторитарным методам правления - такая буржуазия менее всего была пригодна стать носителем реформизма.

В конечном счете, лидерам меньшевиков и эсеров пришлось, по сути, отказаться от программ социальных реформ, принеся их в жертву политике сотрудничества с буржуазией. А ведь массы, особенно крестьяне и солдаты, в первые месяцы революции доверяли эсерам и меньшевикам, надеялись, что можно будет все вопросы разрешить ко всеобщему благу посредством реформ и соглашения с буржуазией. За восемь месяцев пребывания буржуазии и соглашателей у власти ни земли, ни мира, ни хлеба, ни закона о 8-часовом рабочем дне, ни ослабления хозяйственной разрухи народные мас-

сы не получили. Как видим, причин для роста народного недовольства было больше, чем достаточно. Добавим, что из-за военных поражений и внутривосточной нестабильности резко ослабли международные позиции России.

Большевистская партия трезво оценила катастрофическое положение страны осенью 1917 г. и указала на революционный выход из тупика как верный путь национального спасения. Если меньшевики и эсеры, хотя и считали себя революционерами, испытывали страх перед «революционными потрясениями» и «взбунтовавшейся чернью», то большевики, напротив, открыто провозгласили неотложную необходимость социалистической революции. Ленин и большевики рассматривали переход к социализму не как некий сверхъестественный «прыжок в неведомое», а как практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, то есть как конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В самый канун Октября произошла резкая поляризация классовых и политических сил на два противостоящих друг другу фронта: революция и контрреволюция. Такова, как показывает опыт истории, логика революционных кризисов в буржуазном обществе - они подводят все классы и партии к альтернативной формуле: либо диктатура контрреволюционной военщины, либо диктатура пролетариата. В таких случаях открытой конфронтации революционных и контрреволюционных сил у средних элементов, сторонников реформистского пути, шансы на промежуточное решение падают до нуля. На повестку дня выдвигаются новые альтернативы.

Русская буржуазия давно уже жаждавшая военной диктатуры, осенью 1917 г. окончательно отказывается от буржуазной демократии и, следовательно, от всяких реформистских идей. Теперь народным массам приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократией, как в первые четыре месяца революции, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. Исторически бесспорно, что если бы большевики промедлили со взятием власти и не упредили контрреволюцию, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. Одновременно осенью 1917 г. грозные очертания приобрела и новая альтернатива: возможность анархистского бунта - «бессмысленного и беспощадного», говоря словами А.С. Пушкина. Стихийный бунт был чреват гибелью культуры и в конечном счете также обернулся

бы иностранным вмешательством и торжеством контрреволюционной диктатуры. Императив истории оказался таким: Россия, чтобы остаться Россией, должна была стать социалистической.

Великая российская революция навсегда остается одним из важнейших событий XX века. При всём расхождении взглядов на события столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на Земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на развитие народов планеты. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба. Россия стала как бы полигоном широкомасштабных социальных экспериментов, поучительна для всего мира своими последствиями и уроками.

Споры о причинах и последствиях тех событий эпохального значения идут до сих пор, и пока нет основания утверждать, что произошло полное осмысление случившегося и истина постигнута. Видимо, ближе к истине подойдут наши потомки. Пока разногласия спора в оценке революционных событий 1917 г. только увеличивается.

Вновь предлагается предать суду саму революцию, её вдохновителей, её героев, её жертвы. Но как человек не может отказаться от своей биографии, так народ не может отречься от своей истории. Хотя и нужны новые подходы к оценке значимости Октябрьской революции, оценочным стержнем должна быть ПРАВДА. Следует познать это историческое явление во всей его совокупности, противоречивости, извлечь уроки из послеоктябрьского развития.

Использованная литература

1. Волобуев, П. Октябрьская революция главное событие XX века или трагическая ошибка? / Волобуев, П., Поляков П. // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П.В. Волобуева – М.: 1991. – С. 65–85.

2. Волобуев, П. В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П. В. Волобуев, В. П. Булдаков // Вопросы истории – 1996. – № 5-6. – С. 28–39.

3. Шубин, А. Могла ли Россия обойтись без Революции? [Электронный ресурс] / А. Шубин // История РФ : Федер. портал. – Режим доступа: <http://histrf.ru/biblioteka/book/moghla-li-rossiia-oboitis-biez-rievoliutsii>. – Дата доступа: 21.06.2017.